

И. Э. СЕРМАН

«Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII в.

Вопрос о связях русской поэзии XVIII века с русской поэзией второй половины XVII в. ставится не впервые. Ему посвящено несколько работ,¹ в которых есть верные суждения и ценные наблюдения. Попутные замечания о существовании литературной преемственности двух веков можно найти и в общих курсах истории русской литературы XVIII в., и в коллективных трудах.² И все же мы еще очень далеки от какого-либо ясного, научно обоснованного ответа на этот вопрос, и даже не определены пути и подходы к его решению. Очевидно, помочь здесь может только конкретно-историческое изучение отдельных линий литературных связей.

Одна из наиболее очевидных литературных традиций XVIII века, уходящих своим началом во вторую половину XVII в. — это традиция стихотворного, поэтического перевода или, как говорили в XVIII в., «переложения» библейских псалмов. От Симеона Полоцкого через все XVIII столетие до поэтов-декабристов и Пушкина тянется эта очень устойчивая традиция поэтической переработки и переосмысления «Псалтыри».

Изучение этой линии связей между литературой второй половины XVIII в. и литературой следующего столетия имеет и более общее значение; такое изучение может помочь установить общие закономерности историко-литературного процесса двух смежных эпох, понять, как внутри определенной традиции, под влиянием исторических сдвигов (особенно эпохи реформ Петра I) возникали новые литературные явления, знаменовавшие собой появление новых идей и отражение новых сторон исторической действительности.

Для русской литературы и русской общественной жизни 1670-х годов намерение Симеона Полоцкого переложить стихами «Псалтырь» было смелым, поистине новаторским шагом. Об этом можно судить и по тем объяснениям и оговоркам, которые Полоцкий предпослал своей «Псалтыри рифмотворной» (1680 г.), а также по тем враждебным выступлениям, какие последовали со стороны его идеологических противников уже после выхода книги переложений из печати.

«Псалтыри рифмотворной» предшествуют три предисловия автора: первое — стихотворное обращение, адресованное царю Федору Алекс-

¹ А. И. Соболевский. Когда начался у нас ложноклассицизм? — Библиограф. СПб., 1890, № 1, стр. 1—6; В. Н. Мочульский. Отношение южно-русской схоластики XVII века к ложноклассицизму XVIII века. — ЖМНП. СПб., 1904, № 8, стр. 361—379; О. Покотилова. Предшественники Ломоносова в русской поэзии XVII-го и начала XVIII-го столетия. — В кн.: М. В. Ломоносов. Сборник статей, под ред. В. В. Сиповского. СПб., 1911, стр. 66—92; Е. А. Касаткина. Торжественная ода XVIII в. и древнерусская устнопоэтическая литературная традиция. — В кн.: Ученые записки Томского государственного педагогического института. Томск, 1946, т. III (Серия гуманитарных наук), стр. 95—123.

² См. особенно в статье А. И. Белецкого «На рубеже новой литературной эпохи» (в кн.: История русской литературы, т. III. М — Л, 1941, стр. 2—24)

евичу, у которого автор просит покровительства своему труду; второе — обращение прозаическое «к благочестивому читателю» и третье — стихотворное обращение к нему же.

В прозаическом предисловии к «благосклонному читателю» Полоцкий обстоятельно излагает все причины, или «вины», «подвигшие» его на эту работу, а причин этих он указывает три.

Первая «вина» — это убеждение, что в еврейской Библии псалмы были написаны стихами: «Обретох в писании творцев восточных и западных, яко псалмы в начале си на еврейском языке составившия художеством стихотворения».³

«Вторая вина есть, яко на еллинском, на латинском языцех прилучимися Псалтир стихотворно переведенную видети». Но ближайшим образом не греческая или латинская, а польская поэзия, хорошо знакомая Полоцкому, послужила ему вдохновительным примером. «Видех и на приискренем нашем славенском языке диалекте полском книги печатанья, Псалтир стихотворно преложенную содержащья, не точию во странах полских, но и в царствующем граде Москве обносимья».⁴ Как указывает Н. Смирнов, «полская книга» — это полное стихотворное переложение Псалтыри, сделанное в 1587 г. знаменитым польским поэтом Яном Кохановским и неоднократно позднее переиздававшееся.

И, наконец, «третья вина» повторяет то, о чем говорилось в первом стихотворном предисловии: «... яко мнози во всех странах Малыя, Белья, Черныя и Червоныя России, паче же во Велицей России, в самом царствующем и богоспасаемом граде Москве, возлюбаше сладкое и согласное пение полския Псалтири, стиховно переложенныя, обыкоша тыя псалмы пети, речей убо или мало или ничтоже знающе и точию о сладости пения увеселяющеся духовне».⁵

Первоначально в литературе было принято мнение И. Татарского, что «Рифмотворная псалтырь» Симеона Полоцкого была «действительно прямым подражанием стихотворному переводу „Псалтыри“ польского поэта Яна Кохановского».⁶ Н. Смирнов тщательным сравнением «Псалтырей» обоих поэтов пришел к убеждению, что Полоцкий «подражал Кохановскому только в форме, напевах, да и то это удавалось ему не всегда. Что же касается смысла, толкований или даже поэтических красот, то ... он строго держался славянского текста».⁷

И. П. Еремин считает, что и по отношению к тексту «Псалтыри» Полоцкий был самостоятельнее, чем это принято было думать. Он пишет: «Изучение Псалтыри Симеона Полоцкого показывает, что в его переложении разного рода „поэтических“ отступлений от оригинала все же значительно больше, чем это можно было предполагать, судя по предисловию; одни из них — плод личной изобретательности Симеона, другие — результат внимательного изучения очень популярной в его время стихотворной Псалтыри знаменитого польского поэта XVI века Яна Кохановского».⁸

Объяснить причины, побудившие поэта переложить псалмы в стихи было сравнительно легко, хотя и одно это намерение могло заставить на-

³ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Подготовка текста статья и комментарии И. П. Еремина. Изд. АН СССР, М.—Л., стр. 213.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ И. Татарский. Симеон Полоцкий. (Его жизнь и деятельность). М., 1886. стр. 303.

⁷ Н. Смирнов. Из литературной истории древнерусской образованности XVII столетия — ЖМНП. СПб., 1894, № 12, стр. 387.

⁸ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения, стр. 240.

сторожиться ревнителей буквы в священном писании. Гораздо труднее было объяснить московским читателям 1679 г. необходимость и даже неизбежность некоторых отступлений от «разума» псалмов (их буквального смысла) при переводе из прозаической формы в стихотворную.

Полоцкому надо было объяснить изменения троякого рода, которые он вносил в текст своих стихотворных переложений: прибавления против текста Библии — «стихи приданья», пропуски — «речения отъяшася» и, наконец, изменения библейского текста: «Ниже да удивишася тому, читателю благочестивый, яко некая словеса целые стихи обрящеши приданья: сия бо суть во исполнение разума или стихов. А идеже некая речения отъяшася, та за нужду, яко не вместишася в стихи мерою: обаче в разуме никако скудости деют. Еще идеже изменение некое узриши, то нещут светшаго ради истолкования псалмов быти; толкование бо не теми словеса, яже суть в сущем бывает, но инеми и удобниши, да сущаго неудобное откровенно будет. Напоследок, яже узриши не истолкованна, не удивися: ниже бо намерение мое zde бысть до чиста толковати, но точию стихотворно перевести я, с толиким изъяснением, елико веститися может».⁹

Не удивительно, что вокруг «Псалтыри рифмотворной», как назвал свой сборник Полоцкий, развернулась очень острая литературная борьба.¹⁰ Евфимий составил для патриарха Иоакима особую записку, специально направленную против Полоцкого и его переложений псалмов, в которой писал: «Хранити подобает, да никто псалмы мирскими красоглаголания словеса упещряет, ниже покуситися речения переменять, или всячески иное, место иного поставляти, но просто, яко написана суть, да чет и поет яко речеса».¹¹ Еще переложения псалмов Полоцкого не вышли в свет, а уже на них восстали «гаждатели», о которых он писал в стихотворении, помещенном вслед за псалмами:

Не мно токмо, но и вем, ибо ещи труд
Сии света не зреша, ни видоша в люди,
А уже хулители завистнии слово
Лукавое имеша во устех готово.¹²

А после появления «Псалтыри рифмотворной» в печати сам патриарх Иоаким выступил против поэта в «Слове поучительном», в котором заявил, что «Псалтырь» Полоцкого «не яже чрез Давида богоотца духом святым вещанная, но или с полских книг, он, Симеон, собра, или готовую переведе, от Яна некоего Кохановского, латинянина суще, или Ополинария еретика сложенную».¹³

То главное обвинение, которое выдвинул патриарх Иоаким против «Псалтыри рифмотворной» Полоцкого («не . . . духом святым вещанная»), означало, что он усмотрел в переложениях нечто привнесенное самим поэтом, какое-то новое осмысление общеизвестных текстов «Псалтыри», вольную их интерпретацию, неприемлемую для ревнителей строгой ортодоксии.

⁹ Там же, стр. 214.

¹⁰ П. Н. Берков. Предпосылки зарождения русской литературной критики. — В кн.: История русской критики, т. I. М.—Л., 1958, стр. 41—44.

¹¹ И. Татарский. Симеон Полоцкий, стр. 303.

¹² Н. Смирнов. Из литературной истории древнерусской образованности XVII столетия, стр. 382.

¹³ Остен. Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань, 1865, стр. 137.

Как и всякий недоброжелательный критик, патриарх Иоаким проницательно усмотрел существенное свойство переложений псалмов Симеона Полоцкого, он понял, что «Псалтырь рифмотворная» вовсе не была простым «переложением» в стихи прозаического текста славянской Библии. Полоцкий подошел к своей задаче как поэт, для которого псалмы были только материалом для выражения в привычных формах религиозной образности нового, индивидуально-личного содержания. Полоцкий, как это позднее делали Тредиаковский, Ломоносов и все русские поэты, обращавшиеся к псалмам, привносит нечто свое, новые оттенки смысла, иные образы и идеи, в псалмах отсутствующие. Иногда он вставляет строки, усиливающие, подчеркивающие мысль псалмопевца и придающие другую эмоциональность тексту переложения:

«Псалтырь», псалом 1

Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе.

Но в законе господни воля его, и в законе его поучится день и ночь.

И будет яко древо, насажденное при источящих вод, еже плод свой дает во время свое, и лист его не отпадает, и вся, елика аще творит, успеет.

Не тако нечестивии, не тако, но яко прах, его же возметает ветер от лица земли.

Сего ради не воскреснут нечестивии на суд, ниже грешницы в совет праведных.

Яко весть господь путь праведных, и путь нечестивых погибнет.

Переложение Симеона
Полоцкого

Блажен муж, иже в злых совет не вхождаше, ниже, на пути грешных человек стояше: ниже на седалищех восхоти седеи тех, иже не желают блага разумети

Но в законе господни волю полагает, тому днем и ношью себя поучает.

Будет бо яко древо, при водах сажденно, еже дает во время си плод свой неизменно;

лист его не отпадает; — и все еже деет, по желанию сердца оног успеет.

Не тако нечестивый, и бо исчезает яко прах, его же ветер с земли развевет Тем же нечестивии не имут востати на суд, ниже грешницы в совет правых стати. Весть бо господь путь правых, ты являеши, и путь пакы нечестивых в конец погубляет.¹⁴

Выделенное в тексте псалма не вошло в переложение; выделенное в переложении привнесено в его текст Полоцким.

Некоторые из этих добавлений и изменений могут быть объяснены требованиями «меры», особенно в завершающих строку, подрифменных словах (вхождаше — стояше; деет — успеет; исчезает — развевет), но Полоцкий дал теме этого псалма свое художественно-эмоциональное истолкование. Он, разумеется, знал, что псалом этот известен всем его будущим читателям и не только известен, но и крепко сидит у них в памяти. Поэтому он мог предвидеть, что никакое изменение смысла не останется незамеченным и вызовет то или иное к себе отношение. Заменяя в первой строке «нечестивых» на «злых», а в четвертой — «губителей» на «иже не желают блага разумети», поэт вместо гневной инвективы псалмопевца против врагов и гонителей создал стихотворение о заблуждающихся против собственной воли, о «злых» не из умысла, а по неразумию, по непониманию истины. Вместо обличения он написал увещание, вместо осуждения выразил сожаление о заблуждающихся.

И кого бы из своих личных или идейных врагов он ни имел в виду, ясно только, что он не хотел их обвинить в нечестии, ибо оно в то время могло навлечь тяжкие кары и на обвиненных, и на обвинителя.

¹⁴ Симеон Полоцкий. Псалтырь рифмотворная. М., 1680. (Здесь и далее указываются только номера псалмов по этому изданию).

И в соответствии с общим характером своего переложения, с его примирительной, гуманной тенденцией, стремлением убедить инакомыслящих и вернуть заблуждающихся на правильный путь Полоцкий предрекает успех не всякому поступку или деянию праведного, а тому, которое совершено «по желанию сердца», повинувшись своей человеческой природе и нравственному чувству.

Этим общим примирительным духом проникнуты все его переложения псалмов, вся «Псалтырь рифмотворная». Так и в переложении 36-го псалма Симеон Полоцкий вставляет от себя «сердце», отсутствующее в библейском тексте:

Открытый господу путь твой, о нем уповая,
И той сотворит тебе по сердцу блага я.

В тексте «Псалтыри» это место звучит так: Открой ко господу путь твой, и уповай на него, и той сотворит.

За этими частными изменениями библейских текстов в переложениях стоит общая идея поэтической деятельности Симеона Полоцкого — идея терпимости, идея примирения религиозных споров во имя общих принципов морали и просвещения. Переложения псалмов превращались у него в изложение чувств и мыслей самого поэта-переводчика. Традиционно-религиозный литературный материал начинает служить целям светской литературы. Происходит как бы обмирщение поэтических книг Библии. В привычных, общепризнанных формах, освященных религией и церковью, пробивается новое содержание, звучит голос поэта, голос личности. Индивидуальная тема прорастает сквозь традиционную форму.

Личное начало в переложениях Полоцкого дает себя знать и в прихотливом, вольном варьировании их строфики, в разнообразии ритмико-строфических узоров. Преобладают у Полоцкого 11- и 13-сложные стихи с парной рифмовкой, но, кроме того, он применил и другие, более короткие строки. 7-сложный:

Егда от Вавилона
Плен бывший из Сиона,
Изволил бог вратити,
В радости дал нам быти;
(Псалом 125).

8-сложный:

Аще смерти приближюся,
зла от нея не боюся:
яко ты сам при мне еси,
боже живый на небеси;
(Псалом 22).

9-сложный:

Возведох очи моя к тебе,
боже живущий в светлом небе,
Се яко очи раб смотряют
в руку господней, пищи чают;
(Псалом 122).

10-сложный:

Земнии вси богу восклицайте,
в веселии ему работайте.
Во храм его в радости внидите
яко господь есть бог наш ѣдйти.
(Псалом 94).

Строфическое разнообразие у него также очень велико, но строфы разнятся не типом рифмовки, так как она остается парной, а сочетанием строк с разным количеством слогов. Наибольшее количество строфических вариаций дает у Полоцкого 11-сложный стих. 13-сложный помимо обычной парной рифмовки, проходящей через все стихотворение, только однажды встретился в сочетании с 11-сложным:

Готово сердце мое боже тя хвалити,
готов есмь в славе моей тя бога славити.
Востани слово и псалтири моя,
и гусли: встану утро от покоя.

(Псалом 107).

11-сложный стих Полоцкий употребляет в самых различных сочетаниях с короткими, 5- и 6-сложными стихами. Три строки 11-сложного стиха в сочетании с 5-сложным:

Якоже елень ловцы утруженный
воды желают, быти прохладженный:
так аз боже к тебе въздыхаю,
зрети желаю.

(Псалом 41).

Две строки 11-сложного стиха в сочетании с 5-сложным:

Суди господи мя обидящия,
возбрани боже мене борющия,
невинна суща

(Псалом 34).

Три строки 11-сложного стиха в сочетании с 6-сложным:

Вси язязи весело руками плещите,
гласом радости богу живу воскликните:
яко вышний есть страшен, над всеми царствует
и владетельствует.

(Псалом 45).

Две строки 11-сложного стиха в сочетании с двумя 6-сложными:

Боже в помощь мою
посли руко твою.
Помощь ми дати господи потщися:
дабы тобою от враг мне спастися.

(Псалом 69).

Поэтическая деятельность Симеона Полоцкого имела для своего времени очень серьезное культурное и литературное значение.

Самое возникновение и упрочение syllabического стиха в творчестве Полоцкого не было случайностью, как не могло быть случайностью и все почти столетнее развитие русской syllabики. Однако объяснения, которые можно найти в новейшей литературе по истории стиха, представляются недостаточно убедительными и трудно согласуются с фактами. По мнению Л. И. Тимофеева, «не приходится, конечно, сомневаться в том, что syllabический стих Симеона Полоцкого формировался под несомненным влиянием польского syllabического стиха, хорошо ему известного. Но все дело в том, что сама возможность слышать в польской syllabике ее ритмическое членение, сама возможность использования стиха такого строя могла возникнуть только потому, что она была подготовлена длительным историческим развитием выразительных средств, органически присущих

русскому языку, создававших основу для стиха нового типа — стиха речевого».¹⁵

Под это определение — речевой стих — никак нельзя подвести переложения псалмов Симеона Полоцкого, поскольку они писались не для чтения, а для пения, на определенный напев или «голос». Так думает А. В. Позднеев, много занимавшийся песнями XVII—XVIII вв. Объясняя причины обращения Симеона Полоцкого к «поющимся» жанрам поэзии, он пишет: «Очевидно, Симеон Полоцкий сначала сочинял вирши, которые успеха не имели (в списках XVII—XVIII вв. до нас дошли лишь единичные его произведения). Заметив успех духовных песен, он решил последовать этому образцу и сочинил стихотворные переложения псалмов, напевы к которым написал дьяк В. Титов, — таким образом они стали песнями и получили большое распространение».¹⁶

Этот песенный характер русская силлабическая поэзия сохраняет в XVIII в. еще и в творчестве Третьяковского-силлабика. Все, что Третьяковский написал до 1735 г., почти мгновенно распространялось в списках и пелось, занимало прочное и определенное место в культурном обиходе русского общества.

В песенной природе силлабических стихов Полоцкого не сомневается и исследовательница истории русской музыкальной культуры Т. Ливанова; «Если мы обратимся к первым годам XVIII века, даже к XVII столетию, то увидим, что традиция кантов, т. е. пения в определенном стиле светских лирических и панегирических, а ранее духовных текстов, существует до Феофана Прокоповича и с большой широтой документально прослеживается на русских рукописных памятниках, начиная во всяком случае от „Псалтыри“ Полоцкого—Титова, т. е. с 1680 года. До возникновения русских тонических стихов, до лирики Ломоносова и Третьяковского канты распеваются на силлабические вирши».¹⁷

Да и сам Полоцкий в стихотворном предисловии к «Псалтыри рифмованной» говорит о сильной потребности в русском обществе его времени получить псалмы в форме, пригодной для пения:

Полезно то и в домех оны честно пети, —
но без глас подложенных трудно то умети.
И разум сокровенный спону содевает, —
чтый бо ли поющ псалмы со трудом той знает.
Тем во инех языцех в метры преведени,
разумети и пети удобь устроени.

Более того, в стихотворении, обращенном к будущим читателям его «Псалтыри», Симеон Полоцкий убеждает их оставить мирские песни и петь его псалмы. В полемическом увлечении он готов утверждать, что пение псалмов почти гарантирует спасение души и полное нравственное очищение:

Хотяй спасенно дни своя прежити,
свободен умом от печалей быти:
Да тщится псалмы по вся дни читати
во славу богу или воспевати.
Ибо их разум сердце возбуждает
ко веселию и ум наслаждает.

¹⁵ Л. И. Тимофеев. *Очерки теории и истории русского стиха*. ГИХЛ, М., 1958, стр. 235. (Разрядка моя, — И. С.).

¹⁶ А. В. Позднеев. *Рукописные песенники XVII—XVIII веков*. (Из истории песенной силлабической поэзии). — *Ученые записки Московского заочного педагогического института*, т. I, М., 1958, стр. 14.

¹⁷ Т. Ливанова. *Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом*, т. I, М., 1952, стр. 45.

Ревность ко богу великую плодит,
из семен словес плоды добром родит.
Что богу живу угодно бывает
и за то души поющих спасает.
Миряне песни мира оставляйте
вместо их псалмы богу воспевайте:
Овы бо ум тлят, души погубляют,
сни ум здравят, и души спасают.
Пение псалмов есть избранно богу,
душ наших скверну омывает многу:
Старых утеха, юных крашение,
ума старчество и совершение.

В своей борьбе против мирских песен Полоцкий как будто вполне солидарен с правительством, начавшим с середины XVII в. жестокую и неуклонную борьбу со скоморохами — главными носителями мирской песни. В «Памяти» ростовского митрополита Ионы (1657 г.) очень точно поименованы все виды «искусств», подвергнутые гонению: «Чтоб отнюдь скоморохов и медвежьих поводчиков не было, и в гусли б и в домры и в сурны и в волынки и во всякие бесовские игры не играли и песней сатининских не пели и мирских людей не соблажняли».¹⁸ Но если правительство и церковь просто запрещали и гнали народную песню, то Полоцкий хотел предложить взамен «сатининских» скоморошьих песен «настоящую» поэзию, подкрепленную авторитетом Библии и богослужебного употребления. И судя по распространению, которое получили переложения псалмов Полоцкого в рукописных песенниках XVII—XVIII вв., он своей цели достиг, и его переложения псалмов как стихи для пения нанесли очень сильный удар безраздельному господству фольклорной песни в культурном обиходе верхов русского общества.

*

Воскрешение ветхозаветных образов и тем, стихотворные переложения псалмов — явление общеевропейское, начавшееся в XVI в. и продолжавшееся до середины XIX в. Оно связано с различными реформационными течениями, в которых в конечном счете выразились новые для того времени буржуазные, прогрессивные политические и этические идеи. С различной степенью интенсивности и политической зрелости, на различном уровне самосознания эмансипационные идеи третьего сословия выражались в XVI—XVII вв. главным образом в религиозной форме, а в поэзии — в формах своеобразного (по Марксу) исторического ветхозаветного маскарада.

Эту связь переложений псалмов с религиозно-политической борьбой эпохи можно проследить в каждой стране, применительно к любому поэту — переложателю псалмов.

В поэзии французских гугенотов (Клеман Маро, Агриппа д'Обиньи), в творчестве Мильтона изображение ветхозаветных героев, обращение к тематике и стилистике псалмов служит возвеличению и прославлению борцов с феодальной реакцией, дворянской монархией и католической церковью.

Исследователь французской поэзии XVI в. пишет по поводу издания стихотворных переложений псалмов 1542 г., в которое вошло тридцать переложений Маро и пять — Кальвина: «По замыслу это переложение было адресовано к королю, двору и светским людям, но, как только оно появи-

¹⁸ А. Ф а м и н ц ы н. Скоморохи на Руси. М., 1889, стр. 187.

лось, более постоянная, более серьезная публика заинтересовалась им ... и в обрядах французского протестантизма оно получило официальное место». ¹⁹ Как сообщает тот же автор, в 1542 г. теологический факультет Сорбонны потребовал запрещения этого собрания Маро и Кальвина. ²⁰ Этот пример, взятый почти наугад, очень характерен для происхождения и судеб переложений псалмов в Европе, раздираемой борьбой католичества и протестантизма.

Себя и свои чувства, равно как и своих противников, поэты уподобляют героям Библии и новые чувства, новые идеи выражают на языке пророков и псалмопевца.

В России это обращение поэтов к ветхозаветному стилю и темам начинается во второй половине XVII в. и продолжается до декабристов и Пушкина.

Вторая половина XVII в. ознаменована в России всеобщим кризисом православной церкви и ожесточенной борьбой направлений внутри нее.

В этом кризисе, в этом «расколе» православия отразились большие исторические перемены, происходившие еще подспудно и подготовлявшие тот перелом в истории нации, который мы называем эпохой петровских реформ. В этих религиозных распрях в какой-то мере отразились новые черты общественного сознания и индивидуальной психологии, широко и разнообразно отразившиеся в литературе второй половины XVII в. Непосредственно в огне этой религиозной борьбы создано самое яркое литературное произведение XVII в. — «Житие» Аввакума.

Д. С. Лихачев считает автобиографизм одной из самых характерных черт литературы второй половины XVII в. Этот автобиографизм, по его мнению, был следствием «слабости» литераторов XVII в., их неумения окончательно порвать с «историей» и перейти к ничем не ограниченному художественному вымыслу: «Слабость этого автобиографического метода в том, что явления собственной биографии бывает нелегко обобщить, усмотреть в ней факты, характерные для какой-то определенной среды. Автобиографы пытаются обобщить явления своей жизни, описывая их в житийных трафаретах или снабжая их собственными размышлениями и поучениями, как это делали в своих житиях протопоп Аввакум и его „союзник“ Епифаний». ²¹

Эта объяснимая исторически «неумелость» — признак негативный; литература второй половины XVII в. выдвинула и свои новые эстетические принципы. Одна из этих новаторских художественных идей — уравнивание или приравнение земного и небесного, человека и святого и в конечном счете человека и бога. Это «уравнивание» совершалось еще внутри сознания, проникнутого религиозными представлениями, оно еще не содержало никаких богоборческих замыслов, но все же в этом «уравнивании» проявилась особая черта мировосприятия, чуждая иерархическому мироотношению русского средневековья. Наиболее разительный пример такого разрушения привычной иерархии между земным и небесным — Аввакум как автор «Жития». В. В. Виноградов отметил в стиле «Жития» Аввакума «два стилистических слоя»: «В одном плане житийный рассказ — это повесть Аввакума об его „волоките“, об его „плавании“ по житейскому морю. Но способ рисовки реальных событий определяется той церковно-библейской литературой, в кругу которой вращалась творческая интуиция Аввакума.

¹⁹ H. Gu y. Histoire de la poesie française au XVI-e siècle, t. II. Paris, 1926, стр. 97.

²⁰ Там же, стр. 97—98.

²¹ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. Изд. АН СССР, М. — Л., 1958, стр. 133.

„Случаи из жизни“ в процессе их художественного воспроизведения апперцепируются богатым запасом библейских сюжетных схем и стилистических формул и расцветаются словесными красками церковно-богослужебного и житийного материала, „Новое евангелие“ создается на основе старого». ²²

Рассказ о действительных событиях и реальных страданиях своих Аввакум ведет в нераздельных ассоциациях с привычным для него кругом библейских представлений. Он самого себя и свою жизнь совершенно невольно «стилизует» под житие библейского пророка или апостола Христова. Сила индивидуального переживания находит наиболее выразительную литературную форму во внутренней ориентировке на библейские образцы и библейскую стилистику.

То двоение, которое В. В. Виноградов отметил в стилистике «Жития», распространяется ведь и на его построение, на расположение и, главное, на подбор материала. События вполне реальные, бытовые, вплоть до физиологических отправлений, соседствуют в «Житии» с чудесами в прямом значении этого слова. Чудеса совершает бог по молитве Аввакума или по собственному изволению, чудеса творит и сам Аввакум, исцеляя одержимых бесами людей, кликуш, больных кур, побеждая шамана. Зло, бесы в малых и частных своих проявлениях вынуждены уступить Аввакуму, который, таким образом, оказывается равен «святым» угодникам, и в этом внутреннее оправдание для него своего права писать именно «житие», а не роман, повесть или историю. Аввакум как бы включает себя в галерею подвижников и страдальцев за веру Христову, он сам себя при жизни «канонизирует» за свои муки и за чудеса, им сотворенные. Поэтому, подчеркивая полемически свою «простоту», Аввакум строит стилистику «Жития» на очень сложном взаимопроникновении божеского и человеческого, библейских образов и фактического, полного поэзии рассказа о реальных мытарствах и невыдуманных ссылках.

В другом лагере современной Аввакуму литературы, среди сторонников официальной церковности, обращение к Библии как материалу литературному проявилось сильнее всего в творчестве Симеона Полоцкого. Несмотря на разделявшие их религиозно-богословские споры, оба — и Симеон, и Аввакум — были движимы общим стремлением эпохи к «биографизации» литературы, к привнесению в нее моментов личных и личностных, к превращению ее в какой-то мере в «отражение» жизни, а не только идеала религиозного или политического. Эта личная тема была одновременно и темой общественной. В идее «равновеликости» «святим» пророкам и великомученикам Аввакума, мучимого царскими воеводами и тюремщиками, в идее «сердца» как мерила человеческого поведения у Симеона Полоцкого выразилось новое сознание эпохи, еще не объявившей человека — разумную человеческую природу — универсальным идеологическим принципом, но уже восставшей против средневекового его принижения и умаления. И в переложении псалмов Симеона Полоцкого, как в «Житии» Аввакума, человек второй половины XVII в. заявил свое право на собственное, личное, только ему присущее отношение к миру, к истории, к индивидуальной судьбе.

Прогрессивно-эстетическое начало «Жития» Аввакума было воспринято русской литературой только в эпоху Лескова. Предложенный Полоцким метод поэтического переосмысления библейских псалмов получил необык-

²² В. В. Виноградов. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем жития постопола Аввакума. — Русская речь, сборник под ред. Л. В. Щербы, вып. 1. Пгр., 1923, стр. 211—212.

новенно широкое распространение в русской поэзии последующих веков. Поэтические переложения псалмов оказались наиболее приемлемой формой выражения и личных чувств, и гражданственных помыслов. Переложения псалмов уже в самом своем материале содержали высокий строй чувств и мыслей, никак не соотношенный с низкой тематикой, бытом и жизненной эмпирикой, но именно поэтому в переложениях псалмов на общем и в некотором смысле эстетически нейтральном стилистическом фоне могли быть заметны привнесенные каждым поэтом его собственные мысли и чувства, горестные заметы его сердца, его скорбь и его гнев. Вот почему как определенный жанр русской поэзии переложения псалмов вновь получили широкое распространение в конце 1740—начале 1750-х годов и в последующие десятилетия, в пору сложения новой русской поэзии послепетровской эпохи.

Между «Рифмотворной псалтырью» (1680 г.) Симеона Полоцкого и новой волной поэтических переложений псалмов прошло более полу столетия, в течение которого переложения Полоцкого широко распространялись в списках. Нет ни одного рукописного сборника кант и псалм XVIII в., куда не вошли бы переложения псалмов Симеона Полоцкого. И даже если бы у нас не было прямых доказательств знакомства поэтов середины XVIII в. — их собственных свидетельств — с переложениями псалмов Полоцкого, то мы уже на основании популярности их в рукописной песенной литературе могли бы считать это знакомство важным фактом их поэтической биографии.

Роль «Псалтыри рифмотворной» в образовании Ломоносова-поэта хорошо известна. Об этом сообщает его биограф, по-видимому располагавший сведениями, полученными из первых рук: «... как по случаю попалася ему псалтырь, предложенная в стихи Симеоном Полоцким, то, читав онуж многократно, так пристрастился к стихам, что получил желание обучаться стихотворству».²³ Менее известен другой факт: Тредиаковский в «Предисловии» к своему до сих пор не опубликованному полному переложению всей «Псалтыри» (1753 г.) при определении целей и принципов своего переложения исходит из соответствующих мест в предисловиях Полоцкого и из его «Псалтыри рифмотворной» в целом. Совершенно сходно с Полоцким Тредиаковский заявляет: «Мне должно уведомить токмо читателей о причинах, которые меня возбудили к предложению всех псалмов стихами и, совокупно, о способе, какой наблюдаем был мною в предложении оных».²⁴ И далее, как Полоцкий, Тредиаковский последовательно перечисляет пять «причин», побудивших его к переложению псалмов. Важнейшая из них — отсутствие полного переложения псалмов современным, тоническим стихом, так как «Псалтырь» Полоцкого, по мнению Тредиаковского, безнадежно устарела из-за своего стиха: «Первая из тех: подражание всем, почитай, христианским народам, по крайней мере населяющим Европу. Нет из сих ни единого, у коего псалмы не были б предложены стихами, и стихами лирическими, как то и должно и род псалмов требует. Но сего самого и не было на нашем языке поныне, кроме некоторыя частицы. Предложение Симеона Полоцкого есть не токмо не лирическое, но и какого б было из поэзий вида, определить не без трудности; а что притом оно еще как везде, так и в сафической его строфе не стихами (выключая рифму, которая отнюд не составляет стиха по внутренности, но извне токмо украшает оный), о том уже между искусными нет ни малого сомнения. Сие, впрочем, сказано не в укор честному и ученому мужу, успшему уже о господе:

²³ Н. И. Новиков. Избранные сочинения. М.—Л., 1952, стр. 319.

²⁴ ЦГАДА, ф. 381, ед. хр. 1037, л. 3. (Далее указываются только листы этой рукописи).

я ведаю, что о мертвых или ничего, или с похвалою говорить должно. Но понеже в его время стихотворение наше не имело еще правил и не было приведено в порядок; то каждый не может не чувствовать, что недостаток был с нашей стороны, а не в нем: благоговейный оный иеромонах таким прелагал стихом, какой инде, там свойственный от своих преданный воспринял учителей, видя, что у нас собственного тогда не обреталось» (л. 3 об.).

Для крупнейших деятелей нашей литературы 1740-х годов переложения псалмов Полоцкого были живым явлением поэзии, с которыми они считались самым серьезным образом, создавая собственные вариации на вечные темы псалмопевца.

Ни Феофан Прокопович, ни Кантемир не могли быть образцом переработки псалмов для поэтов середины века. Переложения псалмов Прокоповича нам неизвестны. В некоторых его стихотворениях можно найти отголоски стилистики «Псалтыри» — но и только. У Кантемира сохранились два переложения псалмов (36 и 72). О степени их известности судить трудно, в наиболее распространенном варианте списка произведений Кантемира (первые пять сатир) этих переложений нет, что, конечно, не могло препятствовать знакомству с ними и Тредиаковского, и Ломоносова.

Правомерно ли предположить, что Ломоносов и Тредиаковский в своих переложениях псалмов идут уже от Кантемира, а не от Симеона Полоцкого? Вопрос этот имеет известное значение для определения места Симеона Полоцкого в создании столь важной поэтической традиции XVIII в., как традиция стихотворной переработки псалмов.

Кантемир в своих переложениях очень свободно обращается с текстом псалмопевца; по сравнению с соответствующими переложениями Полоцкого он создает скорее подражания или стихи на темы псалмов, чем переложения в собственном смысле.

Начало псалма 36 у Кантемира получило следующий вид:

«Псалтырь»

Не ревнуй лукавующим, ниже завиди творящим беззаконие.

Зане яко трава скоро изсхнут, и яко зелле злака скоро отпадут.

Уповай на господа, и твори благостыню, и насели землю, и упасешия в богатстве ея.

Насладися господеви и даст ти прошения сердца твоего.

Открой ко господу путь твой и уповай на него и тот сотворит.

Кантемир

Кто любит бога, не ревнуй лукавым,
Ниже завиди грешникам неправым,
Ибо исчезнут, яко трава вскоре,
Яже зелена при утренней зоре
И цвет ей красен, скрепленный

росою.
Потом увянет, посечен косою.
А ты как начал, так твори благое
Да на сей земли время немалое
Даст ти в богатстве бог земном пожити
И чад любимых в ней населити.²⁵

Переложение 36-го псалма у Полоцкого проникнуто общим для всех его переложений гуманистическим духом, духом «любви», призывом жить «по сердцу»:

Не ревнуй человеком зле в мире живущим,
ниже да завидиши неправду деющим;

Зане скоро погибнут, яко изсыхает
трава скоро: и яко цвет злак спадает.

Уповай на господа, благость да твориши,

²⁵ А. Д. Кантемир. Собрание стихотворений. Л., 1956 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 252.

насели землю, плоды дом твой насытиши.
 Усладная господем и даст прошение
 сердца твоего тебе, во утешение
 Открой господу путь твой, о нем уповая,
 и той сотворит тебе по сердцу благая.

В переработке Кантемира 36-й псалом получил дидактико-сатирическое звучание, а самый текст псалма, как канву, он свободно расцвечивает разнообразными и прихотливыми стилистическими узорами, вставляя в текст переложения свои мотивы.

Ломоносов и Тредиаковский более бережливо, чем Кантемир, обращаясь с текстами псалмов. Так, Тредиаковский перелагает 36-й псалом, оставаясь в пределах наличного его содержания, продолжая стилистически Полоцкого. Мотив «упования» на бога, у Кантемира опущенный и замененный общеморальным критерием — твори благое, в переложении Тредиаковского сохранен:

Отнюдь ты не ревнуй лукавым,
 Ни злым завидуй и неправым,
 Они скосятся как трава,
 Падут как сено и плева:
 В надежде прибегай все к богу,
 И с правдою твори добро;
 Сним населишь земли часть многу,
 Получишь злато и сребро.

(Л. 99)

О ломоносовских переложениях псалмов еще М. И. Сухомлинов писал, что они близки к стихам Полоцкого. Что это так, видно из сравнения переложений 1-го псалма обоих поэтов. Ломоносов, вслед за Полоцким, заменил «нечестивых» «злыми»:

Блажен, кто к злым в совет не ходит.
 Не хочет грешным в след ступать
 И с тем, кто в пагубу приводит,
 В согласных мыслях заседать.²⁶

И две последние строки у Ломоносова ближе по смыслу к переложению Полоцкого, чем к Библии.

Ломоносов не переложил всей «Псалтыри» в стихи. В выборе псалмов у него виден явный умысел: они создают определенным образом эмоционально окрашенную картину мира человеческих отношений. Как верно указала Д. К. Мотольская,²⁷ через все ломоносовские переложения псалмов прослеживается тема «борьбы с врагами», имеющая совершенно ясный автобиографический подтекст. Отсюда тема «зла» и «злых», которая проходит сквозным мотивом через некоторые из ломоносовских переложений. Особенно в этом отношении интересно переложение псалма 34, в котором можно найти почти все возможные производные слова от основного понятия «зло»:

Гонители да постыдятся,
 Что ищут зла душе моей...
 Да сильный гнев твой злых восхитит...
 Сие гонение ужасно

²⁶ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 8. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 369. В рукописи и корректуре издания 1751 г. было: «В суде едином заседать».

²⁷ Д. К. Мотольская. Ломоносов. — В кн.: История русской литературы, т. III, стр. 339.

Да оскорбит за злобу их,
 Что зляся на меня напрасно,
 Скрывали мрежу злоб своих,
 Глубокий мрачный ров злодею
 В пути да будет сокровен...
 Наносят мне вражду и злобу...
 И на меня согласно злятся,
 Готова ров, где мне упасть...
 Доколе, господи, без гнева
 На злость их будешь ты взирать?...
 Но в сердце злобу умышляли
 И сети соплетали мне...
 Ты видел, господи, их мерзость:
 Отмсти и злобным не стерпи...
 Спаси от нестерпимых зл...
 Не дай им в злобе похвалиться...
 Посрамлены да возьмутся,
 Что ради злым моим бедам.

Все стихотворение Ломоносова скреплено этой темой «зла», представленной во множестве морфологических и фразеологических его вариаций. Такой концентрации «зла» (в буквальном смысле) во всех его видах нет ни в «Псалтыри», ни у Полоцкого. В тексте псалма «зло» встречается три раза, в переложении этого псалма у Полоцкого — пять раз, тогда как у Ломоносова — четырнадцать раз. Ломоносовское стихотворение превращается в протест против зла вообще, оно становится поэтическим выражением судьбы человека вообще, одинокого человека, затерявшегося во враждебном ему мире и страстно желающего победы над злом. Поэтому у Ломоносова появляется призыв к «мести», отсутствующий и в «Псалтыри», и у Полоцкого:

Ты видел, господи, их мерзость:
 Отмсти и злобным не стерпи;
 Отмсти бессовестную дерзость,
 И от меня не отступи.

Ломоносов видит это зло разлитым всюду и даже на царском престоле, во главе общественного устройства:

Никто не уповай на веки
 На тщетну власть князей земных:
 Их те ж родили человеки,
 И нет спасения от них.
 Когда с душою разлучатся
 И таенна плоть их в прах падет;
 Высоки мысли разрушатся
 И гордость их и власть минет.

(«Переложение псалма 145»).

Две последние строки Ломоносов вставил сам, в тексте псалма этой мысли о «гордости» и «власти» земных владык нет (нет ее и у Полоцкого), там говорится только о неизбежности смерти духа и мыслей («помышления»), но характеристики этих мыслей нет: «Изыдет дух его, и возвратится в землю свою; в той день погибнут все помышления его».

Миру корыстных человеческих страстей и интересов, миру зла и несправедливости Ломоносов противопоставляет свой идеал человека и гражданина, художественно реализованный на материале псалма:

Тот, кто ходит непорочно,
 Правду всегда хранит,
 И нелестным сердцем точно

Как языком говорит.

Кто устами льстить не знает,
Ближним не наносит бед,
Хитрых сетей не сплетает,
Чтобы в них увяз сосед.

В лихву дать серебро стыдится,
Мзды с невинных на берет.
Кто так жить на свете тшится,
Тот во вски не падет.

(«Переложение псалма 14»).

Оставаясь, следовательно, в пределах самого высокого жанра современной ему поэзии, жанра оды духовной, Ломоносов вносит в него гражданственную политическую и философскую проблематику и даже элементы общественной сатиры.

Из всех поэтов первой половины XVIII в. Ломоносов всего ближе к Симеону Полоцкому в смысле осторожного, бережного отношения к тексту «Псалтыри». Тредиаковский, а позднее и Сумароков больше, чем Ломоносов, обязаны поэтическому примеру Симеона Полоцкого в другом отношении: оба они, следуя ему, переложили всю «Псалтырь» стихами, повторив грандиозную поэтическую работу автора «Псалтыри рифмованной».

До сих пор эта область поэтической работы Тредиаковского почти не изучена, отчасти и потому, что вся его «Псалтырь» (за исключением 10 переложений) вместе с очень интересным к ней предисловием осталась неопубликованной, и размах работы Тредиаковского был скрыт даже от исследователей истории русской поэзии XVIII в. Тредиаковский предполагал все свои переложения псалмов напечатать в Академии наук.²⁸ В ЦГАДА хранится беловая рукопись со следующим заголовком: «Псалтырь, или книга Псалмов, блаженного пророка и царя Давида, преложенных лирическими стихами и умноженных пророческими песнями от Василья Тредиаковского. В Санктпетербурге 1753».²⁹

В поэзии псалмов Тредиаковский видел источник для обновления современной поэзии, утратившей высокое общественное значение, которое было ей присуще в древности. Стилистика псалмов представляется теперь Тредиаковскому идеалом, на который должна равняться современная поэзия: «Что более в Псалтырь начал я вникать (по случаю СХLIII псалма, прежде всех других и особенно преложенного при некоем любовании), то сильнее отчасу стал быть поражаем великолепием ее слога и чувствовать величие изображаемых всюду в ней вещей. Все обояню в псалмах велико, величественно, велелепно! Все дышущее божиим духом, благоухающее святостию и вещающее божественным красноречием ощущаю! В них красуется небо с златозарными светилами и с силами полков и кругов их неиссечных; в них шумно рыщет, в торжественном возмущении, воздух с тучами, с громом, с молниями; в них земля в заклках своих и твердынях, с горами и холмами скачет; в них море с безднами играет, а реки и источники в веселии плещут; в них огонь и самый ефир ликовствует бурно; в них вся тварь, весь род вещества, все естество, в превыспренных местах и преисподних, трепещет присутствия владычня, трясется от облистания его, внемлет в ужасе мановение вседержавныя дес-

²⁸ О причинах, помешавших публикации его стихотворной «Псалтыри», см.: И. Серман. Неизданная философия поэма Тредиаковского. — Русская литература. Л., 1961, № 1, стр. 163—164.

²⁹ ЦГАДА, ф. 381, ед. хр. 1037, л. 1.

ницы, в страхе чудится всемогущей силе, от непостижимых судеб премудрости его оцепеневаает, неизреченную благодсть превозносит, пред величеством его благоговеет: в них все хвалит господа и хвалится само своим превьховным содетелем и царем. Словом, в псалмах единственный и точный есть образ превосходных и прекрасных пиитических изображений, сердце, душу и ум в преестественный некий восторг поревающих и восхищающих. Кто ж, разве бесчувственный человек не возлюбил псалмов? Итак, пламень горящий к псалмам во внутренности моей, почел я за некоторое тайное мне побуждение к сему предложению делу, а почетши так и предложил, при божием поспешествовании, все псалмы лирическим стихом, как-то уже в сей книге явно» (л. 4).

Что же касается Ломоносова и его переложений псалмов, то о них Третьяковский едва упоминает. Его привлекала грандиозная поэтическая задача — переложить всю «Псалтырь» современными стихами, дать ее в стихотворном виде новому поколению читателей. Подходя с критерием такого величественного замысла, Третьяковский и мог позволить себе пренебрежительно отнестись к переложениям псалмов, сделанным его соперником. Возможно, что Ломоносова, а заодно и Сумарокова, Третьяковский имел в виду в другом месте своего «Предупреждения»: «Пятая (причина, — И. С.) и последняя, которая едва ли не действительнейшая всех прочих, именно ж: доказать бы многим, кои, углубляясь в Пиндаров и Анакреонтов, не мнят уже, нигде быть подобной высоте и сладости, что языческое оное и светское велепие в песенных слогах, есть токмо тень, или еще и та, божиаго и небесного гласа, в Давидовых псалмах гремящего» (л. 4 об).

Таким образом, можно утверждать, что традиция переложения псалмов, именно по примеру Симеона Полоцкого, не отдельных псалмов, а всей «Псалтыри», в ее поэтической законченности и единстве вновь возродилась во второй половине XVIII в., в творчестве крупнейших поэтов, создателей новой русской литературы. В этой традиции Сумароков действует вполне солидарно с Третьяковским, настойчиво и тщательно работая над переложением псалмов в течение 20 лет. Итогом его работы над псалмами явились три сборника, изданные вместе, хотя и с разной пагинацией, в 1774 г.: «Стихотворения духовные», «Некоторые духовные сочинения», «Дополнение к духовным стихотворениям».

Принципы своей работы над переложением псалмов Сумароков изложил в «Послесловии» к «Дополнению к духовным стихотворениям»: «Некоторые мои стихотворные переложения псалмов только из части содержания псаломного состоят, или часть только псалма взята, и потому надписи над ними я так и положил, что они не псалмы, но изо псалмов, не зирая на то, что точность во многих, и по большей части против еврейского подлинника крайне наблюдается. А некоторое малое количество псалмов строками только переведено».³⁰

В переложениях псалмов Сумарокова одновременно сосуществуют две тенденции: вольного и текстуального переложения. Он перелагает иногда очень вольно, соединяет мотивы двух-трех псалмов в одном стихотворении («Из 3—16—63 псалмов», «Из 115—116 псалмов»), и все вообще его переложения называются не «парафразис» и не «переложение», а «Из псалма такого-то»:

Часть же сумароковских переложений имеет такой подзаголовок: «Точно как на еврейском языке» («Из 46-го псалма», «Из 59-го псалма»,

³⁰ [А. П. Сумароков]. Дополнение к духовным стихотворениям. СПб., 1774, стр. 48—49.

«Из 74-го псалма») и т. д. Это не значит, что Сумароков переводил с древнееврейского текста; так он обозначал свои переложения псалмов, сделанные безрифменным ямбом или ритмической прозой. Таково, например, переложение псалма 74, которое включает только переложение четырех первых строк этого очень пространного стихотворения.

Благодарим тя боже,
Благодарим тебя
Твое нам имя близко
Твои вещаются премноги чудеса³¹

Основной тип сумароковского переложения — тот, который он называл «Из псалма такого-то». Само это название может служить формулой для этого жанра русской поэзии. В какой-то мере и переложения Симеона Полоцкого это тоже извлечение из «Псалтыри» того, что нужно поэту для выражения его собственных идей и эмоций; переложения псалмов это как раз такое явление поэзии, когда «общая» форма оказывается настолько вместилищем, что может включить и официально-православную идеологию Симеона Полоцкого, и свободомыслие Кантемира, и смелый деизм Ломоносова, и горький пессимизм Сумарокова.

На сумароковских „духовных стихотворениях“ лежит какая-то особая печать субъективности и лиризма. «Его псалмы — это лирические песни о человеке, изнемогающем под бременем жизни и ненавидящем порок. Политические темы проникают в псалом в лирической оболочке. О своей борьбе с злодеями и тиранами, о своей верности идеям правды и добра, о славе добродетели повествует Сумароков в отвлеченных и эмоционально насыщенных образах псалмов».³² Свою работу по стихотворному переложению псалмов Сумароков соразмерял с деятельностью своих предшественников, желая превзойти их. «Я уверен, — писал он Г. В. Козицкому, — что мои псалмы не по Ломоносовски сделаны».³³ И действительно, Сумароков не расширяет, как Ломоносов, а как бы сужает масштабы и размах псалмов, он переводит действие в более интимную обстановку. И это особенно заметно, если сравнить его переложения со стихами Державина, например.

«Псалтырь», псалом 81

Воста в сонме богов,
посреди же боги рассудит
Доколе судите неправду,
и лица грешников приемлете,
судите сиру и убогу, смиренна
и нище оправдайте
Измите нища и убога, из
руки грешничи избавити его
Не познаша ниже уразумеша, но тме ходят
да подвижатся вся основания землн

Аз рек бози есте, и сынове вышняго вси
Вы же яко человецы умираете, и яко един
от князей падаете

Сумарокова
«Из 81-го псалма»

Во сонме стать судьей
Была господня воля
Вещает вышний возглаголя,
Толпе неправедных людей
Доколе судите судьи
Людей не по закону страстно
И обвиняете напрасно,
Прибытки множаще свои
К вам тщетно ходят во врата,
Лишаяся вседневнои пищи,
Пред суд идущие к вам нищи,
Вдова и бедный сирота
Отвергли истину суды,
Да вами ложь превозносится
Вселенна вами вся трясетя
И ею властвуют беды

³¹ [А П Сумароков] Некоторые духовные сочинения. СПб, 1774, стр 241.

³² Г А Гуковский Сумароков и его литературно-общественное окружение — В кн: История русской литературы, т III, стр 417.

³³ Письмо от 26 марта 1772 г — В кн Летописи русской литературы и древности, кн VI М, 1860, стр 61

Воскресни боже, суди земли: яко ты на-
сладиши во всех языцех.

О господи, внемли, внемли:
Восстани к нашему покою,
Спаси нас сильною рукою,
Восстани и суди земли!³⁴

Заменяв «богов» псалма «судьями», Сумароков «перевел» все стихотворение на другую тему; оно у него обращено к неправедным судьям, а не к «земным богам», и потому, естественно, напоминание псалма о том, что и «князья» смертны, у Сумарокова опущено, так как не было нужно для развития его темы.

По-видимому, именно это ослабление гражданского пафоса 81-го псалма у Сумарокова могло побудить Державина в его переложении 81-го псалма оттенить именно антивластительскую, противомонархическую его идею. Привожу три первые строфы ранней редакции державинского переложения:

Восстал среди богов в совете,
Богов судити вышний бог.
Доколь, рек, правду продаете
И смотрите на грешных рог?
С богатыми судити бедных;
Не зрите на высокость лиц;
Из рук измите душевердных —
Несчастных, сирых и вдовнц.
Но есть безумцы и средь трона:
Сидят и царствуют дремя,
Не ведают, что с бедных стона
Неправдой движется земля.³⁵

Следует отметить, что Сумароков в своем стремлении заменить гражданственно-политический пафос псалма морализаторско-нравоучительным очень близок к Симеону Полоцкому, именно в таком духе осуществившему свое переложение этого псалма:

Бог ста во сонме судей, рассудити,
како во людех тцатся суд, творити.
Доколе ложный суд извещаете,
лица муж грешных права являете.
Сира и вдову право рассуждайте,
смиренна, нища в правду оправдайте.
Нищи, убога, от сильных измите,
из рук грешничих правых избавите.
Но они его в разум не впустиша,
лиц приятнем помрачени быша.
Основания земли ся смущают,
вся развращенна во мире бывають.
Аз рех: вы есте бози в человецех,
вышняго чада в настоящих вецех.
Вы же яко плоть, тли ся общаете,
и яко един от князь падаете.
Воскресни боже, земли да судиши,
яко в языцех всех ты наследиши.

Близок Сумароков к Полоцкому и в другом: в «Духовных стихотворениях» он не только использует все богатство русской метрики его времени, но и разрабатывает сложные ритмы, свободный и безрифменный стих. Так поступил и Тредиаковский, применивший в своем переложении псалмов разнообразные виды рифмовки и строфики. Конечно, ни Ломоносов, ни

³⁴ [А. П. Сумароков]. Стихотворения духовные. СПб., 1774, стр. 82—83.

³⁵ Эта редакция опубликована впервые у Л. К. Ильинского: Из рукописных текстов Г. Р. Державина. — ИОРЯС, т. XXII, кн. 1. СПб., 1916, стр. 303—304.

Тредиаковский или Сумароков не были подражателями Полоцкого. Они следовали ему только в одном, строго определенном смысле — они видели в «Псалтыри» поэтический арсенал для своей собственной литературной работы и, перелагая псалмы, создавали в русской поэзии особую область гражданской лирики, свободно совмещавшей личную тему с общественной идеей. Это и обусловило «живучесть» переложений псалмов в русской поэзии до Пушкина включительно. Разумеется, тут продолжала действовать и общая закономерность политической борьбы в странах, где еще буржуазная революция оставалась делом будущего. Поэтому и декабристы в своей политической борьбе широко пользовались поэтическими возможностями псалмов. Так, «священное писание», и в первую очередь псалмы, в творчестве русских поэтов стали могучим средством выражения самых «мирских» и земных интересов русского общества. И в начале этого пути обмирщения поэзии псалмов стоит Симеон Полоцкий — первый гражданский поэт новой русской литературы.
